

ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 5.7.6)

Научная статья

УДК 165.412.3

doi: 10.18522/2070-1403-2025-113-6-10-17

ТРИ КОНЦЕПЦИИ РЕАЛЬНОСТИ И ИХ РОЛЬ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ПАРАДОКСОВ¹

© *Антон Сергеевич Заморев*

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия

azamorev49@gmail.com

Аннотация. Выявляются связи между проблемой парадоксов в науке и тремя основными трактовками реальности: платонизмом, номинализмом и концептуализмом. Особое внимание уделено концептуализму. Показано, что из трех направлений концептуализм наиболее перспективен; ибо имеет больше шансов полностью решить проблему парадоксов в рамках одной логики Аристотеля; в то время как платонизм не решает эту проблему вообще, а номинализм решает ее за счет чрезмерного усложнения научной методологии. Проведен краткий сравнительный анализ всех трех доктрин; выведены принципы концептуализма; показана их методологическая ценность в решении таких задач, как 2-я антиномия Канта, парадоксы Рассела, Лжеца, Карри и Гемпеля; выведены три исчерпывающих класса парадоксов; показано, что два из них концептуализм может исключить полностью, а третий не является проблемой для логики Аристотеля.

Ключевые слова: платонизм, номинализм, концептуализм, парадокс Рассела, парадокс Лжеца, парадокс Карри, парадокс Гемпеля.

Для цитирования: Заморев А.С. Три концепции реальности и их роль в решении проблемы парадоксов // Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 113. № 6. С. 10-17. doi: 10.18522/2070-1403-2025-113-6-10-17

PHILOSOPHY

(specialty: 5.7.6)

Original article

Three conceptions of reality and their role in resolving the problem of paradoxes

© *Anton S. Zamorev*

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

azamorev49@gmail.com

Abstract. The article is devoted to identifying the relationship between the problem of paradoxes in science and three main interpretations of reality: platonism, nominalism and conceptualism. It is shown that of the three directions, conceptualism is the most promising; because it has a better chance of completely solving the problem of paradoxes within the framework of Aristotle's logic alone; while Platonism does not solve this problem at all, and nominalism solves it by overcomplicating scientific methodology. A brief comparative analysis of all three doctrines is carried out; the principles of conceptualism are derived; their methodological value in solving such problems as Kant's 2nd antinomy, the paradoxes of Russell, Liar, Curry and Hempel is shown; three exhaustive classes of paradoxes are derived; it is shown that conceptualism can completely exclude two of them, and the third is not a problem for Aristotle's logic.

Key words: platonism, nominalism, conceptualism, Russell's paradox, Liar's paradox, Curry's paradox, Hempel's paradox.

For citation: Zamorev A.S. Three conceptions of reality and their role in resolving the problem of paradoxes. *The Humanities and Social Sciences*. 2025. Vol. 113. No 6. P. 10-17. doi: 10.18522/2070-1403-2025-113-6-10-17

Введение

Трактовка понятия «реальность» хотя и не входит в предмет формальной логики, но играет в ней огромную роль. Особенно в контексте проблемы *научных парадоксов*, т.е. реаль-

¹Исследование поддержано РНФ № 24-28-01014 <https://rscf.ru/project/24-28-01014/>

ных ситуаций, в которых попытка соблюдать принятые в науке законы логики ведет к противоречиям. Три самых общих подхода к решению данной проблемы связаны с вопросом о том, как трактовать познаваемую *реальность*: только как сферу общих идей, или только как сферу единичных явлений, или как синтез того и другого?

Все три подхода, возникшие еще в Средневековье, сохранили актуальность для современной философии науки. Ибо ни один из них пока еще не оправдал себя в решении стоящих перед ним задач: «Беспарадоксальных наук в настоящее время не существует» [11, с. 40], – считает Анатолий Сухотин. Цель нашей работы: показать, что из трех указанных подходов лишь один способен решить проблему парадоксов, тогда как два других ее только усугубляют.

Обсуждение

Подход 1. Платонизм есть основанное Платоном учение, трактующее *реальность* исключительно как сферу общих идей, которые всегда тождественны себе [10, с. 432]. Единичные же вещи трактуются в платонизме как изменчивые, себе не тождественные ни в какой момент времени, т.е. как мнимое бытие, скорей иллюзия, чем реальность. В современной науке это направление стало популярно в виде *математического платонизма* (Г. Фреге, К. Гёдель и др.), который, по словам Роджера Пенроуза, приписывает всем непротиворечивым математическим абстракциям «действительное существование», а всякую выводимую из них математическую истину признает «абсолютной» [9, с. 101].

Как верно заметил Виталий Целищев, это вызывает проблемы, поскольку две аксиомы, непротиворечивые сами по себе, могут оказаться противоречащими *друг другу* [12, с. 501]. По определению, такие аксиомы *не будут одновременно истинными* в рамках одной аксиоматики. А если считать их истинными в разных аксиоматиках, то истинность их будет *не абсолютная, но относительная*. Оба варианта противоречат платонизму, а из противоречия, по закону Дунса Скота, следует что угодно, любые другие парадоксы.

Вывод: единственный эффективный подход к решению проблемы парадоксов для платоника состоял бы в том, чтобы отказаться от платонизма в пользу более удобной трактовки реальности, как это сделали Бертран Рассел, Альфред Тарский и др. Но они сочли этой удобной трактовкой *номинализм*, который также не свободен от проблем.

Подход 2. Номинализм есть основанное Иоанном Росцелином учение, которое трактует *реальность* исключительно как сферу единичных явлений. Общие идеи трактуются в номинализме не как реальные сущности, а только как *общие названия вещей*, по сути, просто звуки (*flatus vocis*) [13, с. 108]. И законы логики, будучи общими идеями, также трактуются в номинализме *не как реальные законы бытия, но как принятые в науке конвенции о названиях*.

Например: *закон противоречия* есть конвенция, требующая «противоречащими» называть суждения, которые не бывают одновременно истинными; а *закон тождества* есть конвенция, требующая не менять смысл принятых названий в ходе одного рассуждения. Но в науке могут приниматься какие угодно конвенции. По словам Рудольфа Карнапа, это значит, что и логика может быть какая угодно [14, с. 51–52].

Это делает номинализм, с одной стороны, привлекательным, поскольку он допускает большой выбор средств для решения проблемы парадоксов: от так называемого принципа иерархичности (Б. Рассел, А. Тарский и др.) до различных паранепротиворечивых логик (Я. Лукасевич, С. Яськовский, А. Андерсон, Н. да Коста, Г. Прист, Ж.И. Безье и др.). С другой стороны, как считает Виталий Целищев, «на основе номинализма не удалось получить реконструкции значительной части математики» [12, с. 498].

Кроме того, умножением числа неклассических вариантов логики и теории множеств номинализм явно нарушает свою же бритву Оккама: принцип, требующий от ученых «не умножать сущности без необходимости».

Ведь если существует иная доктрина, которая полностью решает проблему парадоксов в рамках одной логики Аристотеля, то ее, по бритве Оккама, стоило бы предпочесть номина-

лизму как наиболее простую. Такой доктриной, как мы покажем, мог бы стать *концептуализм*, если бы он был достаточно продуман для решения этой задачи.

Подход 3. Концептуализм есть основанное Пьером Абелем учение, трактующее *реальность* как синтез единичного и общего. Это направление, среднее между платонизмом и номинализмом: общие идеи оно объявляет не самостоятельными реальными сущностями, но и не просто названиями, а *концептами*, которые выражают «общую мысль о совокупности подобных вещей на основании их сходства. Подобное толкование можно было бы назвать концептуалистической формулой» [13, с. 134], – пишет Альберт Штёкль.

Он же отмечает, что эта формула *не* была строго проработана Абелем, в силу чего ему приписывают разные взгляды: «Обыкновенно прежде его считали номиналистом, но Риттер на основании *Introd. In theolog.* 2, 13, признает его приверженцем умеренного реализма» [13, с. 134]. Главной недоработкой в учении Абеля считается неопределенность в вопросе о том, что такое «сходства вещей»: означают ли они наличие у вещей реальных общих свойств? Выясним это методом исключения:

1. *отрицательный ответ* исключен потому, что отсутствие у вещей реальных общих свойств делает все «сходства» иллюзиями, которые *не* имеют основания в самих вещах, но вызваны только общностью их названий. Это был бы крайний номинализм.
2. *положительный ответ* исключен потому, что наличие у вещей реальных общих свойств, не тождественных единичным вещам, делает эти свойства самостоятельными реальными сущностями, подобно платоновским идеям или эйдосам. Такую трактовку концептуализм также отвергает.
3. *промежуточный ответ* гласит, что общее свойство есть нечто среднее между реальностью и ее отрицанием, т.е. это *возможность, потенция*, подобно аристотелевской форме, «во-первых, поскольку она может осуществляться во множестве индивидов, а во-вторых, поскольку она может мыслиться в качестве общей», пишет Штёкль [13, с. 252].

Исключая первые два варианта, приходим к 3-му как *единственно верному пониманию концептуализма*. Мы находим его в учении Иоанна Дунса Скота, которое гласит, что «общность общих природ в объективной действительности можно принять, но лишь в виде потенциальной» [13, с. 252].

Отсюда ясно, что концептуализм может проявляться и как умеренный номинализм, и как умеренный реализм: ведь он допускает за общими идеями не только 1) статус концептов, созданных в уме, но также 2) статус объективных форм реального мира. Однако из этих двух пунктов концептуализм настаивает только на 1-м: общие идеи суть концепты, созданные в уме. На их реализации вне ума он *не* настаивает.

Поэтому допускаются два вида концептуализма: реалистический (П. Абель, И. Дунс Скот, Д. Локк и др.) и антиреалистический (И. Кант, И. Фихте и др.). Первый утверждает, что реальность существует вне нашего ума. А второй допускает ее только в уме; и «объективное» он трактует уже *не* как существующее вне ума, но как *существующее в уме с необходимостью*, т.е. как общее для всех умов [5, с. 145]. Но оба учения согласны, что это общее само по себе есть лишь *потенция*, которая реализуется только в единичном. Дабы выяснить, как это решает проблему парадоксов, рассмотрим примеры.

Пример 1. Парадокс делимости материи более известен как 2-я антиномия Иммануила Канта. Ее тезис гласит, что материя и в пространстве, и во времени имеет предел делимости, т.е. «состоит из простых частей, и вообще существует только простое или то, что сложено из простого» [5, с. 249]. Антитезис утверждает, напротив, что материя и в пространстве, и во времени делится до бесконечности, т.е. «в чувственно воспринимаемом мире нет ничего простого» [5, с. 251]. Обе гипотезы строго доказываются.

Однако легко заметить, что «антиномией», т.е. *неразрешимым противоречием в системе принятых законов*, это положение является не для всякой онтологии, а только для платонизма или крайнего номинализма. Ибо каждое из этих учений основывается на одной из сторон данного парадокса, отвергая другую его сторону, а именно:

1. *платонизм* утверждает, что любая вещь только кажется «единичной» в сравнении с чем-то более общим, но на деле изменчива и образует целый класс более частных состояний во времени. Значит, единичного как такового нет; все вещи реальны как общие идеи, в силу *их бесконечной делимости*.
2. *номинализм* утверждает, напротив, что основу реальности образует единичное, которое уже не делится на более частные состояния во времени. Значит, должен быть предел делимости материи, т.е. *реально только простое или то, что сложено из простого*.

Единственным учением, способным разрешить этот парадокс, не отвергая ни одной из его сторон, является *концептуализм*: он может признать *и бесконечную делимость, и предел делимости* истинными в разных отношениях. Но поскольку в бесконечной делимости единичное как таковое отсутствует, а все общее концептуализм допускает лишь потенциально [13, с. 252], то и *бесконечную делимость* он также признает лишь в потенции; актуально же в любой системе отсчета предполагается свой предел делимости.

Например: «человек Сократ», согласно этой точке зрения, не просто кажется, а действительно является *единичным человеком*, если рассматривать его относительно более общего рода людей. Но относительно всех более частных состояний Сократа во времени этот же самый «человек Сократ» уже предстанет их *общим свойством*.

По мнению Абеяра, верно и обратное, что если единичные вещи имеют *общее свойство*, то его можно понять как «наибольшую форму, которая охватывает собою множество сходных друг с другом вещей, однако сама по себе рассматривается как единичная вещь» [8, с. 122]. Ибо все частные формы этой вещи сравниваются в ней по сходствам, а одним из этих сходств оказывается именно их *единичность*: «Сократ не становится множественным из-за того, что он принимает множество форм» [8, с. 96], – считает Абеяра.

Таким образом, концептуализм предполагает, что всякий концепт создается в нашем уме путем условного приравнивания трех моментов: 1) множество единичных явлений; 2) общее свойство, в котором они равны друг другу и которое мыслится через абстрагирование от их различий; 3) единичный объект, в качестве которого это общее свойство мыслится в более общей системе отсчета: «Отдельные люди, сами по себе разные, есть одно и то же в качестве человека» [8, с. 97]. Поскольку все три момента равны значению концепта, они равны между собой, по аксиоме Евклида.

Например: пока реально есть *хоть один человек*, все множество *людей* будет *не пустым*, а значит, в нем обретут реальность и общее их свойство «человечность», и равный ему по смыслу концепт «человека вообще».

Пример 2. Парадокс теории множеств, называемый парадоксом Рассела, устраняется именно таким пониманием реальности: как мы покажем, он *не* составляет проблем для *концептуализма*. Хотя для платонизма и крайнего номинализма он «вызывал в математике, по мнению Гильберта, эффект полной катастрофы» [4, с. 316]. Проблемы начинаются с допущения Рассела [15, с. 100] о том, что есть якобы два типа множеств: 1) «нормальные» множества, которые не содержат сами себя в качестве элементов; и 2) множества «ненормальные», т.е. *самореферентные*, которые сами себя содержат.

Например: *множество всех множеств* ненормально, ибо содержит само себя. Но если верить словам Рассела, что «весь класс людей в мире не является человеком» [15, с. 100], то этот класс служит примером множества нормального. Вопрос: является ли *нормальным* множество всех нормальных множеств? Оба ответа противоречивы:

1. *отрицательный ответ* означал бы, что это множество *ненормально*; а значит, по определению ненормального, оно должно содержать само себя. Но по своему определению, оно содержит только нормальные множества. Значит, оно само должно быть тоже *нормальным*.
2. *положительный ответ* означал бы, что это множество *нормально*; значит, по определению нормального, оно *не* должно содержать само себя. Но по своему определению, оно содержит все нормальные множества, не исключая себя. И как содержащее себя оно должно быть *ненормальным*.

Вывод: поскольку оба допущения сводятся к абсурду, придется признать, что множество всех нормальных множеств само не может быть ни нормальным, ни ненормальным. По закону исключенного третьего, отсюда следует, что такого множества нет. Но это значит (см. *modus tollens*), что нет и тех нормальных множеств, которые его образуют, а есть только ненормальные. И это логично, если учесть, что *со множеством всех ненормальных множеств* подобного противоречия *не* возникает. Мало того: если бы теорию строил последовательный концептуалист, как мы его описали выше, то он вообще не увидел бы здесь парадокса, а нашел бы безупречное доказательство того, что «нормальных» множеств нет, но все множества самореферентны, т.е. содержат себя как элементы.

Правда, *множество лошадей* придется считать «лошадью», а *множество людей* придется считать «человеком». Но для концептуализма Абеляра в этом нет проблемы: ведь общее свойство (лошадность или человечность) он трактует как «наибольшую форму, которая охватывает собою множество сходных друг с другом вещей, однако сама по себе рассматривается как единичная вещь» [8, с. 122]. Вне множества это *не реальная вещь*, а мысленный образец, «который мы не могли бы назвать ни субстанцией, ни акциденцией» [8, с. 122]. Но когда этот образец реализуется во множестве форм, все элементы этого множества становятся его акциденциями.

Вывод: как множество акциденций Сократа образует реальность *Сократа*, так множество людей образует реальность *человека вообще*; в этом смысле, все множества *самореферентны*, т.е. включают себя как элементы.

Проблема в том, что ни платоники, ни крайние номиналисты не могут принять подобный вывод. Для *платоников* он неприемлем потому, что они трактуют общую идею как реальность, независимую от множества ее единичных проявлений; а для *номиналистов* он неприемлем потому, что они вообще не расценивают общую идею как реальность. Поэтому для *них*, как утверждает Рассел, «весь класс людей в мире не является человеком» [15, с. 100], и доказательство обратного оказывается парадоксом.

Пример 3. Парадокс возможного будущего известен как парадокс Аристотеля. Состоит в том, что Аристотель, с одной стороны, сформулировал в теории доказательства три всеобщих закона (тождества, противоречия и исключенного третьего), с другой стороны, для каждого из них представил случаи, ограничивающие его применение.

Например: границы применимости закона исключенного третьего охватывают, по Аристотелю, все *реально осуществленное в прошедшем времени*; но этот закон не применим к событиям *возможного будущего*. Ибо «в возможности одно и то же может быть вместе противоположными вещами, но в реальном осуществлении нет» [2, с. 92]. Потому на вопрос, состоится ли завтра морское сражение, Аристотель считает любой ответ заранее неопределенным: ни истинным, ни ложным. Но закон исключенного третьего такой оценки *не* допускает: «Этот пример, который Я. Лукасевич назвал “аристотелевским парадоксом”, широко обсуждается в современной литературе» как «зародыш многозначной логики» [6, с. 46], – пишет Эдуард Караваев.

Однако и в этом случае парадокс возникает только в сознании платоников или номиналистов, которые не признают объективных границ применимости у законов логики: *платоники* не признают их потому, что считают эти законы абсолютными истинами, а *номиналисты* – потому, что считают их чисто субъективными установлениями.

Но последовательный концептуалист, как мы его описали выше, здесь не увидит никакого парадокса, а увидит только подтверждение своей аксиомы о том, что *общие идеи реализуются в вещах*. Поэтому, в частности, законы логики он также признает законами *реальными*, но не *абсолютными*, а *в вещах*, т.е. в объективных границах применимости, вне которых эти законы *не* действуют. И любая попытка применять их вне границ ведет к парадоксам.

Такой подход к объяснению природы парадоксов характерен не только для Аристотеля, но также для Готфрида Лейбница, Иммануила Канта, Льюиса Кэрролла и для многих других концептуалистов.

Например: если закон исключенного третьего применим только для *реального в прошедшем*, то границы применимости законов тождества и противоречия, по мнению Лейбница, более общие и охватывают *всю сферу возможного* (т.е. того, что реально хотя бы иногда, в некотором отношении). Значит, делать выводы по этим законам можно только из определения, которое «выражает нечто возможное» [7, с. 178]. Но при нарушении этих границ, т.е. при выводах *о невозможном*, даже эти законы объективно не работают. Последствия Лейбниц выявил на примере аргумента, которым Св. Ансельм доказывал, что Бог существует.

Суть аргумента: Бог, по определению, существо совершеннейшее, необходимое, т.е. *всегда существующее*. Думать, что *существующее не существует*, нельзя, по законам тождества и противоречия. Значит, по этим законам, нельзя думать, что Бог не существует. Значит, Бог существует: «Эта аргументация достигает цели, если только допустить, что существо совершеннейшее, т.е. необходимое, возможно и не включает в себе противоречия» [7, с. 178], – учит Лейбниц. Если мы нарушим это условие, то мы докажем *существование невозможного*, т.е. впадем в парадокс.

Таким образом, все три закона логики Аристотеля имеют границы применимости в сфере объектов, обладающих хотя бы *относительной реальностью*; если не в прошедшем времени, то хотя бы в возможном будущем. Все эти границы заданы Аристотелем во 2-й Аналитике, в форме правила Козлоолень, которое гласит: *о том, чего нет, нельзя говорить утвердительно*; нельзя знать, что такое Козлоолень, если его нет; ибо нельзя считать истинным тезис «*А есть А*», если нельзя сказать «*А есть*» [1, с. 260]. Проблема в том, что это правило может нарушаться разными способами. И связанные с ним парадоксы часто относят к разным классам, хотя по сути это формы одного и того же аристотелевского парадокса.

Например: парадокс Лжеца есть суждение «Я сейчас лгу», которое оценивает значение своей истинности и постоянно *меняет* его относительно любого исходного допущения (если оно истинно, то ложно; если ложно, то истинно и т.д.). В итоге предмет оценки постоянно уходит *в будущее*, где закон исключенного третьего, по Аристотелю, уже *не применим*.

Так же точно дело обстоит с парадоксом Хаскелла Карри, где тезис гласит: «Если эта импликация верна, то верно что угодно». В этом суждении посылка оценивает верность следующей из нее импликации. Но импликация из посылки возможна только *после посылки*. И значит, предмет оценки опять относится *к будущему*, т.е. закон исключенного третьего здесь *не применим*, как в случае с парадоксом Лжеца. В обоих случаях, такие суждения *не должны* оцениваться в рамках двужначности «истина-ложь», но могут считаться неопределенными, и это будет верным решением.

Еще более скрытой формой аристотелевского парадокса является парадокс Карла Гемпеля о воронах, решение которого мы подробно излагали в одной из наших работ [3, с. 450]. В этой задаче даны два тезиса, которые интуиция Гемпеля трактует как *неэквивалентные*, хотя логика объявляет их *эквивалентными*, по закону исключенного третьего. Однако границы данного закона в условиях задачи *не соблюдены* [3, с. 451], поэтому закон не действует, и тезисы Гемпеля *неэквивалентны*, на что его интуиция верно указывает.

Выводы

Остается добавить, что закон исключенного третьего допускает только два способа оценки парадоксального рассуждения: либо 1) оно парадоксально только в рамках *некоторых* доктрин о реальности, но непарадоксально, с точки зрения других доктрин; либо 2) оно парадоксально в рамках *любой* доктрины. Однако в 1-м случае парадоксально *не само по себе* рассуждение, но содержание доктрин, в которых оно выявляет противоречия.

Само рассуждение парадоксально в задачах 2-го типа. Но здесь также два варианта, смотря по тому, нарушены ли законы логики *вне* границ их применимости, или же в этих границах? От этого зависит, будет ли такое рассуждение, соответственно, верным или неверным. В итоге, получаем три исчерпывающих класса научных парадоксов:

1. *контринтуитивные парадоксы* – это верные рассуждения, которые противоречат ошибочным интуициям ряда ученых. В наших примерах это парадоксы Канта и Рассела, где рассу-

ждения, верные в рамках концептуализма, противоречат доктринам платоников и крайних номиналистов.

2. *контрдискурсивные парадоксы* – это верные рассуждения, которые противоречат законам логики, с точки зрения любой доктрины, но *вне* границ применимости этих законов, что допустимо в логике Аристотеля. Таковы парадоксы Лжеца, Карри и Гемпеля.
3. *квазидискурсивные парадоксы* – это неверные рассуждения, где законы логики нарушены в границах их применимости, что указывает на ошибку или в посылах, или в законах. Например: те же парадоксы Лжеца, Карри и Гемпеля, если оценивать их по законам двузначной логики, что уже неверно.

Мы также показали, что во всех рассмотренных примерах парадоксы возникают из-за узкого, одностороннего истолкования реальности, характерного для крайних позиций платонизма и номинализма. Концептуализм, будучи *средней позицией* между этими крайностями, имеет больше шансов исключить парадоксы 1-го и 3-го класса; а парадоксы 2-го класса неизбежны, но в рамках логики Аристотеля они проблемой не являются.

Список источников

1. *Аристотель*. Аналитики. Л.: Госполитиздат, 1952. 438 с.
2. *Аристотель*. Метафизика. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 608 с.
3. *Заморев А.С.* Парадоксы как явления в логике // Современные тенденции развития науки и мирового сообщества в эпоху цифровизации. X Международная научно-практическая конференция. М.: Алеф, 2022. С. 447–456.
4. *Ивин. А.А.* Логика: Учебник для студентов вузов. М.: Гардарики, 2007. 352 с.
5. *Кант. И.* Критика чистого разума. Симферополь: Реноме, 1998. 528 с.
6. *Караваев Э.Ф.* Философские проблемы временной логики. Киев, 1988.
7. *Лейбниц Г.В.* Замечания к общей части декартовых «начал». В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. С. 165–218.
8. *Неретина С.С.* Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абельяра. М.: Гнозис, 1994. 216 с.
9. *Пенроуз Р.* Новый ум короля: о компьютерах, мышлении и законах физики. М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.
10. *Платон*. Тимей. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 421–500.
11. *Сухотин А.К.* Парадоксы науки. М.: Молодая гвардия, 1980. 240 с.
12. *Целищев В.В.* Математический платонизм // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. Т. 8. № 2. С. 492–504.
13. *Шмёкль А.* История средневековой философии. СПб.: Алетея, 1996. 320 с.
14. *Carnap R.* The Logical Syntax of Language. New York: Macourt, Brace, 1937.
15. *Russell B.* The Philosophy of Logical Atomism. Milton Park, Abingdon. 2009. Routledge. 208 p.

References

1. *Aristotle*. Analytics. Leningrad. Gospolitizdat, 1952. 438 p.
2. *Aristotle*. Metaphysics. Rostov-on-Don. Phoenix, 1999. 608 p.
3. *Zamorev A.S.* Paradoxes as phenomena in logic // Modern trends in the development of science and the world community in the era of digitalization. X International scientific and practical conference. M.: Aleph, 2022. P. 447–456. doi:10.34755/IROK.2022.30.79.049
4. *Ivin A.A.* Logic: a textbook for university students. M.: Gardariki, 2007. 352 c.
5. *Kant I.* Critique of Pure Reason. Simferopol: Renome, 1998. 528 p.

6. *Karavaev E.F.* Philosophical Problems of Temporal Logic. Kyiv, 1988.
7. *Leibniz G.V.* Remarks on the General Part of Cartesian «Principles». In 4 volumes. Vol. 3. M.: Mysl, 1984. P. 165–218.
8. *Neretina S.S.* Word and Text in Medieval Culture. Abelard's Conceptualism. M.: Gnosis, 1994. 216 p.
9. *Penrose R.* The Emperor's New Mind: On Computers, Thinking, and the Laws of Physics. M.: Editorial URSS, 2003. 384 p.
10. *Plato.* Timaeus. In 4 volumes. Vol. 3. M.: Mysl, 1994. P. 421–500.
11. *Sukhotin A.K.* Paradoxes of Science. M.: Young Guard, 1980. 240 p.
12. *Tselishev V.V.* Mathematical Platonism // Scholae. Philosophical Classical Studies and the Classical Tradition. 2014. Vol. 8. N 2. P. 492–504.
13. *Stöckl A.* History of Medieval Philosophy. Saint-Petersburg, Aletheia, 1996. 320 p.
14. *Carnap R.* The Logical Syntax of Language. New York: Hacourt, Brace, 1937.
15. *Russell B.* The Philosophy of Logical Atomism. Milton Park, Abingdon. 2009. Routledge. 208 p.

Статья поступила в редакцию 16.07.2025; одобрена после рецензирования 29.07.2025; принята к публикации 30.07.2025.

The article was submitted 16.07.2025; approved after reviewing 29.07.2025; accepted for publication 30.07.2025.